

Анонс, прямо скажем, был не очень. С плохо скрытой завистью потенциальному посетителю галереи "Кино" объясняли, что художница Вертинская как девушка молодая, склонна эстетизировать обыденность, а венецианскую обыденность эстетизировать несложно. Но картинка, сопровождавшая этот текст, была красивая, и к тому же где-то в другом месте было сказано, что Александра Вертинская – ученица Юрия Купера, художника нежно мною любимого. Стало интересно, чему он ее научил.

Конечно, ученичество предполагает и передачу некоторой суммы приемов, так что я не удивилась, увидев, что в качестве основы использован тот же упаковочный картон, и так же к нему приделаны то настоящие цветы, то стенки от жестяных коробок. Собственно, здесь уже повторяются и мотивы, а отсюда рукой подать до того, что передается и определенная эстетическая система. Но сами работы при этом совершенно самостоятельные, и язык учителя был усвоен лишь для того, чтобы сказать свое собственное слово.

Как и обещано было названием выставки, большую ее часть составляли архитектурные пейзажи, но совсем не те, к каким мы привыкли, и уж ничем не напоминающие старинные венецианские виды, где много воды, неба и подробностей. Здесь ни небо, ни вода не написаны, остались только подробности, причем так, как видишь их, когда идешь по незнакомому городу, и тебе на глаза попадаете то каменная маска, то какая-нибудь особенная дверь, то решетка. Вертинская не занимается выбором особенно выгодной точки, с которой можно эффектно подать мотив и не стара-

"Размокшей каменной баранкой..." ("Архитектурные пейзажи" Александры Вертинской")

ется непременно втиснуть все здание, чтобы было узнаваемо. Да потом, пожалуй, и не узнаешь этого дома на открытках. И в памяти остаются не архитектурные стили и планировка города, а то, о чем не пишут в путеводителях, то, что заставляет полюбить тот или иной город, то, из-за чего тянет в него вернуться: городской шум, из которого возникает потом тональность картины, общий оттенок не отдельных домов, но всего города, вкус воздуха и ощущение его кожей, мягкость, влажность. Я сказала, что вода в этих пейзажах не написана, но она есть, она окружает все эти дома, и художница добивается этого совсем простым приемом – картонка, ставшая основой для картины, размером меньше поверхности темного фона, к которому прикреплена. Вот и все, но у зрителя на губах остается привкус влаги.

Чудесные натюрморты с цветами – хотя вообще-то к этим работам не очень хочется привешивать определения вроде "натюрморт" или "пейзаж", они кажутся слишком тяжелыми, сковывающими. Здесь материал перетекает в изображение, переплывает, сплетается с ним, и настоящий лепесток заменяет собой слой краски, а смятый обрывок кальки притворяется, нет – становится лепестком. И снова нет никаких ботанических подробностей, но цветы не сли-

ваются в пестрое облако, сохраняют отдельность – да они и существуют каждый по отдельности, не собираясь в букет.

Все-таки никак не получается, говоря о работах Александры Вертинской, забыть о Купере, но именно потому, что при внешнем сходстве и явной преемственности они тем не менее совершенно разные. Как раз из-за того, что я так хорошо помню куперовские туманные, словно запыленные, покрытые патиной, тихие и явно старые вещи, настолько заметна разница. Мне кажется, Вертинская не ищет на поверхности какой-нибудь жестяночки следы всех касавшихся ее рук, а смотрит на нее свежим, собственным взглядом. Отсюда и другая, более свободная и непосредственная манера письма, вызывающая очень разнообразные ассоциации. Мне, например, вспоминались и рисунки Ноаковского, хотя здесь уж точно общего немного, только, пожалуй, импрессионистический подход, и китайские рисунки тушью. И я даже знаю, почему. То и другое делается с одного раза, без поправок, рука должна быть уверенной.

Я говорю, главным образом, о тех работах, которые мне ближе, но на самом деле выставка была разнообразнее. Кроме, собственно, архитектурных пейзажей, давших ей название, и прозрачной цветочной графики, там оказались вещи совершенно другого стиля – тоже цветы, но резкие, условные, сведенные к знаку. Дело не в том, что одно нравится больше, другое меньше; в конце концов, я никому свои вкусы не навязываю, речь не об этом. Просто нередко случается, что художник удачно найдет прием, манеру, его за версту узнаешь, – и ближе уже и подходить не хочется, надо едет. Если человек ни за что не желает меняться, он и к развитию неспособен. А такое разнообразие для меня означает, что и на следующую выставку захочется пойти, потому что интересно будет взглянуть, что изменилось.

Но главное все же не это. Главное – от созерцания работ Александры Вертинской просто-напросто получаешь большое удовольствие, а все умные рассуждения – это уже второстепенное.

Александра ВАСИЛЬКОВА

*Экран и сцена -
1998. - июль
(№26) -*